

День рождения! Восемь лет! Ника кружилась по комнате, мешая раздражённой гувернантке Лизе:

– Всё! Всё! Хватит уже меня украшать! Я же не кукла!

В детскую вошла мама:

– Доченька! Какая же ты у меня красивая! Как светлый ангел! Но непослушная! Остановись сейчас же! Дай Лизе причесать тебя! Скоро придут твои гости!

Ника резко остановилась перед большим зеркалом:

– Придут и придут! И посмотрят, какая я толстая!

Она скривила пухлые губки. Лёгкое белое платье, переливаясь перламутром в сборках юбочки и облекая плотную фигуру с небольшим животиком, делало её похожей на располневшую балерину.

Но золотистые локоны, рассыпавшиеся по плечам, обрамляли пухлое личико с ямочками на щеках.

Она выбежала из комнаты, услышав папин голос.

Папа разговаривал по телефону, нервно шагая по комнате:

– Олег Петрович! Пожалуйста, разрешите сегодня включить нашу временную капсулу! Попытаемся просто установить связь с блокадным Ленинградом. Конечно,

неофициально! Я понимаю! Нарушать не будем! Я обещаю. Понимаю, что людей оттуда перебрасывать сюда, в наше время, нельзя – это вмешательство в историю, а вот с доставкой продовольствия порешать можно было бы.

В трубке кто-то ворчал неразборчиво.

– Понятно, что это глобальная проблема.

Сам я, конечно, такие вопросы решать не буду.

Трубка опять проворчала несколько слов.

– Спасибо! Сегодня попробуем обязательно.

Мама тоже вошла и, слушая папин разговор, смотрела неодобрительно. Но папа подхватил её и закурил радостно:

– Дал разрешение! Я так и надеялся!

Она высвободилась из его рук:

– Правильно, в субботу день нерабочий.

Если что пойдёт не так, Олег Петрович вроде и не знал.

Папа улыбнулся ей:

– Не переживай! Всё получится!

Мама недовольно закончила:

– А если у тебя всё получится, то тогда он мудрый руководитель! Боже, когда же ты поймёшь, что этот тупоумный начальник тебя просто использует?

Но папа обнял её и ласково спросил:

– Тебе, родная, чего-то в жизни не хватает?

Мама уклонилась от его поцелуя:

– Мы сейчас живём хорошо! Но на его месте должен быть ты! А не этот баран.

Папа вмиг стал серьёзным:

– У этого барана есть папа. А папа – высокий начальник. И в его руках власть и деньги! А мой папа был только хорошим механиком.

Он опять обнял жену:

– Но мы-то с тобой живём здесь, за городом! В удобном коттедже! У меня рядом во дворе хорошо оборудованная лаборатория, где я могу проверить свою теорию перемещения во времени. И сегодня уже перебросу своего ассистента в блокадный Ленинград! Я ждал этого так долго!

Мама не унималась:

– Дорогой, ты забываешь, что коттедж не наш! И коттедж при этой лаборатории! К сожалению, как только у тебя что-то не получится, нам придётся выехать отсюда. А начальник, хоть он и баран, найдёт другого дурака-учёного и поселит его в этот коттедж.

Папа сказал твёрдо:

– Тогда мы переедем в свою городскую квартиру и я буду инженером на заводе. С голода мы не умрём! Это я тебе обещаю!

И опять, расплывшись в широкой улыбке, попросил:

– Пожалуйста! Не порти мне праздник! Кстати, двойной! Нашей доченьке сегодня восемь лет! Вот и занимайся её гостями. Прости, что я тебе не помогаю! Ты же знаешь, я хочу установить связь с прошлым! Может, получится помочь людям, погибающим в холодном и голодном Ленинграде? Ведь там от истощения умерла моя бабушка.

Через час гости собрались. Ника пригласила весь класс! Папа отправил микроавтобус за теми, кого родители не смогут привезти в коттеджный посёлок.

Самый крутой мальчик их класса, Денис Морозов, сын банкира, скривил губы, увидев, что среди гостей Митя Соловьёв, круглый отличник, но из бедной семьи.

– А этот ремонт зачем здесь?

Его подпевала Тима Чашкин объяснил:

– Ника приглашала всех.

– А у него ума не хватило додуматься, что ему лучше дома посидеть? Ему и в нашей школе-то нечего делать, а здесь и подавно. Отец у Ники учёный и богатый.

У крыльца Виталий Дмитриевич, молодой и кудрявый ассистент папы, направлял ребят в холл, где их встречала гувернантка Лиза. Помогала раздеться, причесаться и отправляла к Нике в зал.

Затем пригласили в столовую, где их ждали накрытые столы: с салатами и закусками, печеньем, конфетами, пирожными и выпечкой к чаю под лимонад и кока-колу.

Потом подали горячее и, наконец, вкатили огромный торт.

Скоро все наелись, и гувернантка Лиза повела их гулять и кататься на горке. Ника вышла на солнечный двор, где солнце слепило, отражаясь в многочисленных снежинках.

Девочки сразу охнули: на ней был дорогой спортивный костюм для зимнего спорта ярко-синего цвета с белыми вставками, о котором мечтала каждая из них.

Все играли, только Митя, которого не принимали ни в одну команду, тихо прогуливался по двору. Он уже привык, что одноклассники игнорируют его везде, а в классе только терпят.

Вышла мама Ники и спросила, не хотят ли они продолжить чаепитие с пирожными и тортом.

Денис недовольно скривился и проворчал:
– Надоело уже жрать!

Остальные, глядя на него, дружно и вежливо отказались. Всем было жарко, так набегались!

– Может, мороженого!

– И водички!

Лиза принесла мороженое и газировку, а ещё мама приказала положить в пакет бутерброды, печенье, запаковать пирожные и другие вкусности.

Пакет Лиза вручила имениннице:

– Угощай гостей.

Ника спросила:

– Кто хочет перекусить? Здесь бутерброды, печенье, пирожные и выпечка.

Денис опять решил за всех:

– Отдай вечно голодному Соловью. Он убогий и нищий! Слаще морковки ничего не ел! Лучше скажи, правда, что твой папа изобретает машину времени?

– Не машину времени, а капсулу перемещения. Но я её сама ещё не видела.

Мальчишки восхищённо уставились на неё:

– Вот бы посмотреть! А твой папа может нам её показать?

Она вмиг загорелась, почувствовав вдруг свою значимость:

– Пойду и договорюсь!

Повернулась и, понизив голос, проговорила, как мама, приподняв бровки:

– Но не знаю! Вообще-то, туда доступ посторонним закрыт!

С удовлетворением отметила, как все на неё уважительно посмотрели, и гордо пошла к небольшому зданию лаборатории. Дёрнула ручку. Дверь открылась.

Ника осторожно пошла по длинному коридору, стены которого, белые и блестящие, мягко светились изнутри, плавно переходя в потолок. Двери со строгими чёрными табличками были все закрыты.

Никого. Ведь сегодня суббота. Выходной.

Вдруг одна поддалась. Ника осторожно заглянула. В комнате пусто, только стоят два стола. На них разложены какие-то чертежи. А в стороне увидела дверь лифта.

Точно, папа, наверное, на втором этаже.

Руку оттягивал пакет с бутербродами, пирожными и другими сладостями. Надо было во дворе оставить.

А здесь нельзя: вдруг там мороженое? Оно растает, и от папы жди нагоняя. Папа, хоть и добрый, но всегда требовал аккуратности.

Значки какие-то непонятные! Ничего, разберёмся. Ага, получилось. Створки двери медленно разошлись. Ступила на стерильный белый пол и ужаснулась: точно от папы получит!

Ладно! Теперь уж всё равно.

Створки медленно закрылись. Загорелся зелёный огонёк на белой стене. Вот рядом кнопка. Ника ткнула в неё пальцем, лифт не поехал. Рядом замигал синий. Нажала на кнопку рядом. Стоит. Неужели застряла?

Вспыхнул красный глазок. Правильно говорит мама: всё у этих учёных не как у людей!

Но дотронулась до кнопки с опаской: не хватает ещё в свой день рождения в лифте застрять!

Закружилась голова! Ника спиной привалилась к задней стенке. Вздрогнула всем телом. Постояла немного, открыла глаза: мигал зелёный огонёк. С трудом подняла онемевшую руку, глубоко вздохнула и дотронулась до кнопки. Двери поплыли, освобождая путь. Ноги тоже не слушались. Но шаг вперёд она заставила себя сделать.

Где же белый коридор лаборатории? Она стояла в полумраке покосившейся дощатой конуры-сарайчика. Под ногами валяются дрова, дощечки и всякий хлам. У дальней стены огромной кучей набросано какое-то тряпье. Толкнула дверь, болтающуюся на одной петле и прижатую снаружи наметённым снегом, и оказалась на заснеженном грязном дворе среди старых многоэтажек. В домах вместо выбитых стёкол вставлены фанерки, тряпки, торчат подушки. И тишина. Увязая в сугробах, вышла на улицу.

Вокруг горы снега, обломков и мусора, висят порванные заиндевевшие провода. Тихий, примолкший город. Нет машин, трамваев, автобусов. Чуть волоча ноги и закутавшись в разное тряпье, идут люди по протоптаным в снегу тропинкам. Идут, падают, кое-как поднимаются и опять волокутся дальше.

Везде тишина. Только свист ветра.

Ника стояла, оглядываясь вокруг, и не могла ничего понять. Где она? Куда попала? Где папа? Как вернуться к нему?

Около соседнего дома толпа понурых, оборванных людей. Они просто стояли, иногда переминаясь с ноги на ногу. Девочка вернулась во двор, заглянула в сарай, но в сгущающихся сумерках там было уже темно и ничего не видно.

Решила подойти к людям и спросить, как ей попасть снова в свой коттеджный посёлок. Ведь там у неё гости, а она их, получает, бросила!

Но тут в толпе послышались громкие и злые крики, ругань.

Выскочил мальчишка примерно её

возраста. Его догоняли и били сумками, бидончиками и чем попало взрослые тётки!

– Вор! Карточки на всю семью хотел украсть! – завывала одна из них, пытаясь догнать.

Он упал, вскочил и со всех ног бросился на другую сторону улицы.

Затем выбросили ещё одного, помятого, в стареньком пальтишке. Этот упал, попытался подняться. Но опять уронил обросшую голову на снег. И лежал неподвижно. Рядом валялась облезлая шапка.

А народ в очереди возбуждённо гудел:

– Вишь, расплодилось ворья! Из рук всё вырывают. И этот, видать, вместе с ним!

Ника подбежала к мальчишке. Склонилась. Лицо бледное, губы тонкие, синие. Глаза полуприкрыты.

Она в ужасе смотрела на толпу взрослых, которые чуть не убили ребёнка. Такого же, как и она.

Подошёл мужчина в грязной куртке, из которой клочками торчала вата.

– Нет, этот не вор. Просто сомлел парнишка в очереди. Живой братка твой. Тащи его домой. Потом прибежишь, я очередь вашу сохраню. Только быстро давай! Далеко живёте?

Мальчишка поднял худенькую руку и пальцем показал на двор, откуда только что пришла Ника.

– Хорошо, что рядом! – обрадовался дядька, – тогда доведёшь доходягу. Дай, поднять помогу! И рывком поставил его на ноги.

– Сестрёнка, хватай его, да плечо подставь, а то опять мешком упадёт.

Ника подставила плечо и повела, почти потащила.

Мальчик смотрел перед собой полузакрытыми глазами и чуть передвигал ноги. Опять тонким пальцем указал на дверь подъезда. В подъезде было совершенно темно и почему-то скользко. Они ощупью поднимались по бесконечной лестнице, пока не подошли к двери, обитой старым одеялом.

Ледяные пальцы мальчишки вырвали

ключ. Ника прижала его вялое тело боком к стене, кое-как нашла на грязном полу среди мусора звонко звякнувшую железяку.

Нащупав скважину замка, отперла дверь. В коридоре квартиры тоже было темно. Так же темно и холодно, как на улице. Только ветра не было.

Мальчишка по стеночке дотащился до кровати, стоявшей в маленькой комнатке, и прямо в пальто и ботинках завалился на кровать. Только прохрипел:

– Укрой меня, полежу и опять в очередь пойду. Есть хочу.

Тут Ника вспомнила про пакет с едой в руке и хотела закричать, чтоб ел, сколько захочет. Но в книгах читала, что после голода сразу много есть нельзя. В темноте сунула руку в пакет и вытащила бутерброд с колбасой. Отыскала под одеялом ледяные пальчики и сунула еду:

– Вот, поешь немного. Спички у тебя есть?

Он молчал. Вышла в коридор, постучала в соседнюю дверь.

– У вас спичек не найдётся? – спросила она у кого-то, кто открыл дверь.

– Заходи, только быстро! Ишь, что! Спичек! Давно не бывало. А уголёк дам!

Вытащила из кругленькой печки дымящийся уголёк и положила на черепок.

– Бери, чего уж! Помогать надо. Живой ещё, Колька-то?

– Почти, – хмуро ответила девочка.

– А ты кто такая будешь? Наверное, сестра Колькина из деревни. Ишь, какая гладкая да полная! Мотя, пока жива была, говорила, что у неё родственники есть. Хотя какой дурак сейчас в Ленинград поедет, когда вокруг немцы. А хуже немцев – голод!

Ленинград? Немцы? Война? Голод? Неужели она в блокадном Ленинграде? Папа же говорил, что связь будет устанавливать! А её понесло в лабораторию к нему!

Ника вернулась в тесную комнатёнку, где, притаившись под одеялом, тихо лежал и посапывал Коля. Так его назвала тётка.

В печурке было много золы. Ника вспомнила, как папа учил её разжигать мангал. Выскребла всю золу, положила бумагу, оторвав из уже изорванной книги несколько страниц. Уголёк быстро охватил их жаром, заплясало пламя. Сунула щепочки. И несколько тонких полешек.

Вдруг вспомнился сарай во дворе. Там она видела дрова. Сходила несколько раз, скользая и запинаясь на тёмной лестнице.

Как теперь домой возвращаться? В сарае никаких кнопок, в Ленинграде голод, мама с папой там, далеко! И не знают, куда подевалась их дочь.

Какое-то время они с Колей проживут, пока в пакете еда не кончится. А потом что?

В комнатке стало тепло. Зашевелился хозяин:

– Эх, очередь уже пропустил! Хлеб сегодня не куплю.

Вздыхнул:

– А есть-то как хочется. В желудке сосёт, и пустота. Так мечтаю о хлебе! Завтра, конечно, дадут 125 грамм. Но это же такой маленький кусочек. Другую еду можно купить, если только биться в очередях. А стоять там мука: мёрзнут ноги и руки. Да и выбросить могут запросто. Или продукты отобрать! Денег от мамки мало осталось! А без денег даже в очереди никто ничего не даст.

– Лежи, отдыхай. У меня есть хлеб.

– Это твой! Он тебе нужен. Сейчас чая накипачу. Там, в зале за дверью, железный бак. Сунь хлеб туда, а то крысы и мыши обнаглели. Правда, их дядька Петя ловит и ест. Но их всё равно много, залезут хоть куда, всё сожрут.

Ника вошла в соседнюю комнату, холодную и промозглую, дверь в которую завешана толстым покрывалом, чтоб не упустить тепло. Увидела железную большую кастрюлю с кирпичами на крышке. Положила пакет с едой и хорошенько закрыла тяжёлой крышкой.

Коля сполз с кровати, налил воды из бидончика в чайник и поставил на печурку.

– Завтра с утра нужно за водой идти к проруби.

Она протянула ему четыре печенья.

– А ты?

– Я уже ела.

– Так мама мне всё время говорила.

А сама лежала, худая, одни косточки, как скелет в кабинете биологии, и такая бесильная, что я её из ложечки кормил, а она только губы сжимала. А потом от голода и умерла. Я один остался. Теперь она в сарайке лежит, и ещё там человек семь.

Ника вздрогнула, вспомнив кучу тряпья у дальней стенки.

– Так похоронить нужно же.

– За это хлеб требуют – 800 граммов просят! Похоронщики денег не берут. У меня их и нет. Ни хлеба, ни денег. Скоро не на что будет хлеб выкупать. Зато есть немного столярного клея. Его растопишь с лавровым листом! И ешь холодец с горчицей.

Он помолчал:

– Мы и бабушку не смогли похоронить.

Просто в простыню завернули и на улицу вытащили. Тогда ещё машины собирали мёртвых. А сейчас так под снегом и лежат. Ладно, давай спать, а то тепло растеряем.

Как был в одежде, так и полез под одеяло.

– Утром выстынет. Иди сюда, вместе теплее будет.

Когда она тоже, прямо в куртке, брюках и сапожках, устроилась с ним рядом, он тихо бормотал:

– Я всегда для тепла с бабушкой спал.

А однажды ночью проснулся, а мне холодно. Это от бабушки: она умерла и остыла. Потом мы с мамой спали. Пригреемся, и так хорошо станет. – Он вздохнул: – Но она мне еду отдавала, отекала вся, ослабла. В очереди простыла. Там несколько часов стоишь – руки и ноги так замёрзнут, что никак не отогреть. Кашляла всю ночь напролёт. А потом тоже померла. Так я один и остался.

– Тебе надо в детдом идти. Сам ты не выживешь.

– Надо бы.

Вдруг он вскинулся:

– Где ты дрова взяла? У соседей украла?

– В сарайке-завалюшке, где дверь на одной петле висит.

– Где мамка лежит? Это Семёновых. Там брать можно. Они все умерли. Столько дров осталось, а сами мёрзли. Просто старенькие и слабые были – не могли на пятый этаж дрова заносить. Надо оттуда все дрова перетаскать сюда, пока не растащил никто.

Последние слова он уже шептал, засыпая. Ника лежала, но сон не приходил.

Вдруг задрожала земля, послышался дикий вой! Заухали страшные удары, как будто рядом с домом!

Она подскочила:

– Коля, Коля! Что это? Куда-то бежать нужно?

– Спи! Это далеко. Не у нас бомбёжка.

Встала, приподняла одеяло, которым занавешено окно: вокруг была тёмная ночь. Ни одного огонька! Страшно!

Утром комната выстыла так, что в бидончике на дне заледенела вода.

– Придётся прямо сейчас идти на прорубь за водой. Вчера я не смог сходить, а вечером всё выпили.

– Может, кран попробовать открыть?

– Уж больше года нет воды, а сейчас трубы все перемёрзли бы. Пошли. Тянуть время незачем. Потом нужно в очередь за хлебом.

Они съели по бутерброду, Ника опять дала мальчику немного печенья.

Коля взял бидончик и ковшик, а Ника – ведёрко.

Долго шли по колено в снегу под завывание резкого холодного ветра, бросающего колючий снег прямо им в лицо.

Туда же, к реке, брели закутанные в тряпье тихие люди, кто с ведром, кто с санками, кто с бидончиком. Потом увидели безмолвную очередь у почти замёрзшей проруби. Набрать воду можно было, но только встав на колени и собирая ковшиком небольшой слой выступающей воды над тоненьким льдом, перехватившим прорубь за ночь.

Пока дождалась очереди, пока Ника насобираала воду в бидончик и ведро, Коля замёрз до костей. Даже Ника продрогла. Сапожки на мокром льду прихватило – чуть отодрала.

А ведь ещё нужно идти обратно к дому и нести воду. Хорошо, что теперь ветер дул в спину.

Напившись горячего чая с какой-то травой, пошли в очередь за хлебом. Молчаливые люди стояли, нетерпеливо переминаясь, в ожидании привоза. Тихо разговаривали между собой, что электричества из-за ветра и мороза нынче ночью не было и хлебозавод хлеб не испёк, как и позавчера, хоть и мука есть.

Ника стояла и думала, а где же ей взять карточки? Вдруг придётся жить здесь, в блокадном Ленинграде?

Лучше, наверное, идти искать детский дом вместе с Колей и пристроиться там.

А вдруг папа сможет отыскать её здесь и забрать обратно в сытое время?

Тут, откуда ни возьмись, появился вчерашний дядька в фуфайке и быстро проташил их через возмущающуюся очередь вперёд, вместе с собой. Очередь роптала, ругалась, но сегодня они хлеба купили! На Колину и мамину карточку. Коля по привычке сразу потянул свой крошечный кусочек в рот, но застеснялся и, сглотнув слюну, сказал:

– Пойдём домой, с горячим чаем съедим. Только хлеб сунь в карман, а то могут отобрать. Когда я один, я сразу у прилавка съедаю. Так надёжнее.

Он шёл довольный:

– В очереди всегда так: все завидуют тем, кто успел вперёд их, и желают им плохого: чтоб ушли и не вернулись. А перед последними те, кто впереди, как бы счастливее! Каждый хочет помочь знакомым – ведь на всех не хватит, а задние злятся. Поэтому проверяют очередь, даже иногда номерки дают. А как поближе к прилавку, то давиться начинают, у меня тогда силы не хватает.

Какая-то тётка, замотанная в коричневую шаль, вздохнула:

– Сейчас все эгоистами стали. Каждый за себя. Лишь бы выжить.

И побрела тихонечко домой.

Дома разожгли печку, закипел чайник, и Коля сказал:

– Сейчас я сварю мясной суп. Сосед Борис Николаевич умер, а у него осталась половинка высохшей кошачьей шкурки. Я её ножницами подстриг и заморозил. Порежем на кусочки и сварим. Правда, долго варить нужно – часа три.

Нику чуть не стошнило.

– Не нужно. Оставь на потом.

Коля тихонько засмеялся:

– Так у меня сегодня день рождения. Праздник! Или вчера был? Ладно! Будем считать, что сегодня!

Ника с тоской вспомнила свой день рождения: накрытые столы в столовой, сытых гостей.

– Коля! Чем я тебя сейчас угощу!

Пошла и вынула из пакета каждому по бутерброду и по пирожному с кремом. Она, наконец, сбросила куртку и шапку, оставшись в красивом белом платье, переливающимся в отблесках печки. Светлые волосы рассыпались по плечам.

– Я поздравляю тебя с днём рождения!

Мальчик смотрел на неё, широко раскрыв глаза:

– Мне про тебя рассказывала бабушка, что к детям приходит светлый ангел и спасает! А я, дурак, не верил!

– Да не ангел я! Такая же, как и ты!

– Нет! Ты неземная! Ничего не ешь, а не худая, как все! И такая красивая! Скажи, ты спустилась с небес спасти меня?

Задумался на миг:

– Или заберёшь меня с собой в рай? С тобой я соглашусь даже помереть.

– Останусь с тобой! – буркнула Ника. И подумала:

– А потом тоже оголодаю, похудею и умру от голода.

Коля съел бутерброд по маленьким кусочкам, наслаждаясь и растягивая удовольствие.

Пирожное он сначала долго разглядывал! Цветочки, листки из крема:

– Вот так в раю и едят! А ты не признаёшься, что ангел!

Помолчал:

– Я теперь в церковь ходить буду и Богу молиться. Бабушка меня никак заставить не могла, а мамка на неё ругалась. Они с папкой партийные были, им нельзя было в Бога верить.

Никогда в жизни Ника не ела такого вкусного пирожного, запивая отваром из какой-то травы.

Потом Коля по-хозяйски распорядился:

– Пойдём, дрова из сарайки сюда перетащим. Когда в квартире будут, это уже наши. Пока покойников брезгуют и не заходят. Потом всё равно кто-нибудь сообразит и всё заберёт.

До ночи, скользя на ступеньках, таскали дрова на третий этаж, стараясь ходить тихо и неслышно. Коля подумал и решил:

– Мы и доски от сарая оторвём и разломаем прямо здесь, в квартире.

Ника согласилась с ним: зима длинная, дров нужно много.

На следующий день очередь была хмурая и злая: хлеба не было из-за перебоев с электричеством. Давали только хряпу. Оказалось, это были замёрзшие зелёные листья капусты с противным запахом овощехранилища. Сама капуста кончилась давно. Коля сказал, что он сварит из неё суп, и они остались мёрзнуть дальше у магазина.

Очередь притихла. Каждый озлобленно ждал своей порции этой дряни, как про себя определила Ника. Только одна тётка с провалившимся беззубым ртом тихо ворчала про своего управдома, который жрал оладьи, когда она зашла к нему. И что на столе у него даже был кусочек мяса. Все остальные хмуρο молчали, понимая, что она говорит правду! И мучились от бессилия перед такой несправедливостью.

Опять побрели к проруби за водой. По пути встретили тётку, которая громко кричала:

– Покупаем сахарную землю! Вкусно! Только стоит с водой переварить!

Бойко, без перерыва насыпала жестяной банкой в пустую тару покупателям настоящую чёрную землю. Только десятирублёвки успевала собирать.

На удивлённый вопрос Ники Коля пробурчал, что это земля с места пожара Бадаевских складов, где хранились продукты. Вот она и пропиталась жжёным сахаром.

Вечером, после ужина из супа с хряпой, пирожного и кусочка чёрного, неизвестно с чем хлеба, они тесно сидели около пылающей печурки. Коля рассказывал:

– Раньше я ходил в школу. Ведь там давали школьникам без карточек в день горячую тарелку супа, а потом перестали! Только горячий чай с сахарином.

Учиться мне стало трудно, учительница даёт задачу про какие-то трубы, а я могу складывать только буханки и граммы хлеба.

Учились мы в бомбоубежищах, ведь в школьных классах холодно. Только и тепла, что сами надышим. Иногда чернила замерзали. Да и ходить туда тяжело: ноги дрожат, колени слабые. И зачем? Мысли в голове путаются, запомнить ничего не могу. Ещё время нужно за водой сходить и в очереди стоять.

Он слабо улыбнулся:

– Знаешь, о чём мечтаю? Только о еде! То хотел хлеба с маслом, а теперь только хлеба или картошки. Перед сном думаю о том, что пройдёт ночь и съем 125 грамм хлеба! И во сне вижу еду! Вкусную, как моя мама готовила. Всегда полный стол еды!

За окном завывала сирена, а потом забили зенитки. Зажужжал самолёт, а дом содрогнулся. Ника испуганно сжалась в комочек около Коли:

– Может быть, нужно убежать куда-нибудь?

– Куда бежать! Мама говорила, что смерть одна.

Подумав, добавил:

– Пока не к нам прилетели. Но и не очень далеко.

– А что так дом трянуло?

– Взрывная волна от разорвавшейся бомбы.

– А если бы в наш?

– Мы б с тобой сейчас не разговаривали. Раньше, бывало, после обеда, как по расписанию, бомбили. Мы привыкли. Только по двору не бегали и на улицу лишний раз не выходили. А сейчас бомбят реже. Наверное, думают, что люди все от голода вымерли.

Встал:

– Одевайся теплее. Пойдём в зал и посмотрим наши запасы.

Они, открыв запечатанную покрывалом и тряпьем дверь, вошли в холодную просторную комнату с затхлым воздухом, где стоял металлический бачок-холодильник.

Когда мальчик увидел большой пакет с едой, лежащий в баке, он радостно выдохнул:

– А говоришь, не ангел?! Только ты мне сразу не давай! Нужно растянуть, чтоб подольше хватило. Я сам остановиться не могу. Однажды мама принесла и дала мне целых двенадцать конфет. Я сначала решил есть по одной в день, а потом сразу сожрал шесть. Не знаю даже, как это получилось. Назавтра одну дал маме, а остальные все съел.

Он закрыл крышку бака и мечтательно уставился в темноту:

– Мы так хорошо жили до войны. Здесь, в зале, было вечером светло и жарко. Машка, сестрёнка моя, всегда вертелась под ногами у взрослых, а я лежал на диване и читал. И, знаешь, на столе стоял недоеденный обед! В вазочке печенье и конфеты! Мы тогда могли оставить жаркое или суп! А Машка привередничала, и мама её уговаривала. Я иногда не хотел пить сладкий чай. А теперь только вода. И чай, и кофе, и суп. Всё это только вода. Да и за ней тащиться далеко и трудно.

Помолчал.

– Теперь папа погиб на фронте, Машка умерла сразу от какой-то заразы, бабушки нет, мамка в сарае. Я не люблю теперь эту комнату, пустую, тёмную и холодную.

Уже у печки он как будто очнулся:

– Я ведь тогда, до войны, тоже переживал: с друзьями ссорился, родители ругали, двойки редко, но мог схватить. А сейчас думаю – дурак был! Это и было счастье!

Ника вспомнила компанию одноклассников во дворе коттеджа: они тоже не понимают, что они счастливы! И она была счастливая! Такая счастливая! Но не ценила это счастье.

Утром выползли на улицу. Было теплее, но ветер промозглый! И продувал насквозь. Погода мерзкая, какая-то серая, мутная. Облака низкие и, как сказал Коля, по пузу тёмные. Ноги и руки застыли сразу.

Почти у реки, на улице, увидели взломанный бомбёжкой асфальт, в домах вылетели все стёкла, и они смотрят слепо на серую улицу. Всю в клубах ещё не осевшей пыли.

На обочине лежал ребёнок лет шести, без ног. Весь в застывшей крови, а ножки в ботинках раскидало в разные стороны: одна около убитой матери, а вторая в створке у дороги. Ребята переглянулись и поплелись мимо.

Дальше развалины домов, а у одного дома, как ножом, отполосован целый угол. И, как в кукольном доме, на верхних этажах видны квартиры, где раньше жили люди: диван, шкаф, стол со скатертью, кровати. И страшно подумать, где сейчас сами жители.

Притащив воду, пошли в магазин. В очереди давали дуранду. Коля сказал, что из неё получается хорошая каша. Но Ника сильно в этом засомневалась, увидев, что это плитки, спрессованные из шелухи подсолнечника.

Потянулись серые холодные дни. За водой, в очередь за продуктами, и мечты на тёплой кухне. Синий костюм покрылся пятнами. От коптящей печки лицо и свалявшиеся в комки без расчёски и воды волосы покрылись серым налётом.

Но, главное, запасы еды постепенно таяли. Уже сварили суп из нескольких кусочков кошачьей шкурки. Ника попробовала. Ничего, есть можно.

Она тоже похудела. Живот подтянуло, тело стало тонким. Лицо осунулось. Ведь она себе брала еды в два раза меньше, чем давала Коле. Он такой слабый, а ей нужно было, чтоб он жил! Был всегда рядом с ней!

Однажды, пересчитав оставшиеся деньги, Коля загрустил:

– Совсем мало осталось. Скоро не на что покупать будет, а заработать не сможем.

– Значит, завтра в детдом проситься пойдём.

– Думаешь, там сладко? Воспитатели строгие. И новеньких не очень-то любят.

– Но сами не выживем.

Он сидел, поникнув. Она погладила его по плечу:

– Знаешь, ведь детдом могут эвакуировать. А потом и война кончится! Обязательно кончится! Жизнь хорошая и сытая настанет. В школе выучишься, работать пойдёшь, квартиру получишь. Вот увидишь, всё будет хорошо. И у тебя, и у всех людей!

Он печально улыбнулся:

– Ты говоришь так уверенно, как будто сама всё видела.

И тут она вдруг разревелась! Она всё это знала! Так хорошо жила! Но, по глупости своей, попала в безвыходную ситуацию.

Теперь он её успокаивал, а она не могла остановить рыдания. Наплакавшись вдоволь, спросила Колю:

– Сваришь суп, а я оставшиеся доски притащу из сарайки.

Перед дверью сарая остановилась. Жутко к покойникам идти! Зря она не взяла с собой Колю! Ладно. Жалко было его гнать на мороз. Пусть сидит в тепле. Но доски давно нужно было забрать, пока другие не утащили. Она зашла в полумрак сарая, пугливо приглядываясь к куче тряпья, которая была мёртвыми замёрзшими людьми.

И тут же увидела красную пластиковую пластинку, на которой белым было написано:

«В любой день в 19:00. Но только ты одна! Эту красную панель возьми с собой! Папа».

Папа, папочка! Он был здесь, он её заберёт с собой! А она много дней не заглядывала в этот страшный сарай-могилу. Наконец-то она вернётся домой! Домой, где тепло и сыто!

Но как же она бросит Колю? Он один не выживет. Такой слабенький! Если бы она не появилась, он бы уже давно умер. Это она могла тащить воду с реки, заносить дрова на третий этаж, толкаться в очереди и даже драться со слабыми взрослыми, обезумевшими от голода, чтобы купить продукты. И вместе теплее спать, когда утром кухня выстывает так, что замерзают остатки воды в ведёрке.

Но уже сегодня вечером можно оказаться дома!

Как же она уйдёт, а Коля останется здесь один-одинёшенек? Она, забыв о страхе, опустилась на доски рядом с покойниками.

Вспомнила: папа говорил, что нельзя вмешиваться в историю и переносить людей в другое время, а то им в лаборатории запретят работать.

Значит, нужно сначала Колю в детский дом определить. Прямо завтра. Может, ещё ждать придётся.

Папа написал, что можно вернуться в любой день! Значит, она всегда успеет попасть домой. Нужно Колю устроить. А ему ничего даже сказать нельзя!

Она вошла. Весёлый мальчик обрадованно воскликнул:

– Что так долго? У меня суп готов. Не переживай! Правильно ты говоришь: война кончится, мы с тобой вырастем, хорошая жизнь будет.

Расстроенная, бросила на пол принесённые доски. Ржавый гвоздь полоснул ладонку, брызнула кровь.

Увидев её рану, Коля быстро притащил какую-то тряпку, обмыл руку и перевязал. А она, заливаясь слезами, здоровой ладонью гладила его по голове.

Потом ела пустой суп из хряпы, заедая дурандовой лепёшкой, и слушала весёлую болтовню друга о жизни знакомого мальчишки в детдоме. Что там непросто жить! Есть тоже немного дают, но хоть не помрёшь от голода.

Утром руку раздуло. Нужно бы к врачу, но она решительно объявила:

– Иду к директору детдома. А ты оставайся пока дома.

Детских домов было много. А сирот ещё больше. Ника упорно искала возможность пристроить Колю, чтоб он выжил. Спрашивала у самых слабых ребят, как им живётся. И все сначала молчали, а потом говорили, что еды не хватает, подозревали в воровстве завхозов, воспитателей и директоров, жаловались на товарищей, обижающих и отбирающих еду.

Наконец, дохленький малец, встреченный ею уже по дороге домой, сказал, что в их небольшом детдоме еды тоже мало, и в спальнях холодно, но директор, Ангелина Ивановна, строгая и справедливая.

Ника вернулась и объявила Коле, что завтра они пойдут проситься в детдом. Он тоже понимал, что другого выхода нет. Разговаривали почти до утра.

Директором оказалась усталая измождённая молодая женщина со строгим лицом. Она внимательно выслушала просьбу Ники и печально сказала:

– Мест свободных у нас нет. Сирот много. Его я возьму – он действительно беспризорный и голодный. А ты меня обманываешь: у тебя родственники есть, одета ты хорошо и питалась прекрасно. Ты просто от них сбежала. Я правильно говорю?

Ника, потупившись, кивнула. И вдруг директор заметила перевязанную руку:

– Что у тебя там? Пойдём к фельдшеру. Та рану промыла и забинтовала:

– Жаль, шрам останется, а зашить нечем. Коля надеялся, что директор сжалится и оставит Нику. Но она опять строго посмотрела на ребят:

– Не капризничайте. Возвращайся к родителям домой, а Коля пусть остаётся здесь, он один не выживет. Мы через неделю эвакуируемся на Большую землю. Коля, попросишься и пойдём со мной.

Коля горячо зашептал:

– Мы же хотели вместе! Я без тебя не хочу!

– И я не хочу без тебя, но тебе со мной нельзя!

Он отступил:

– Значит, я прав, ты ангел!

Ника поцеловала его в щёку:

– Главное, выживи! Всё будет, как я тебе говорила! И мы ещё увидимся.

Она стояла и смотрела, как он понуро уходил по коридору в драном ветхом пальто и облезлой шапке.

Как же долго ему ещё мучиться от голода и холода! Она бросилась за ним вслед.

– Ангелина Ивановна! Можно я с ним одеждой поменяюсь? Мы быстро! Мне ещё родители купят, а ему будет тепло!

– А ты родителей не боишься? Тебя не накажут дома? Вещи, небось, заграничные?

– Они рады будут, что я вернулась. Где переодеться можно? Я и брюки хочу отдать.

– Хорошо, вот мой кабинет.

Коля, остолбеневший от неожиданности, был почти затолкнут ею за дверь в комнату.

– Отвернись и снимай всё, кроме трусов. Быстро.

В минуту сбросила с себя всё: утеплённую куртку, лыжные брюки, термобельё, теплые носки, свитер и осталась только в белом платье и босиком на холодном полу.

– Ну, что стоишь? Я замёрзну! Давай брюки, носки, ботинки.

Он подчинился.

Напялила его потёртые брюки, старые шерстяные носки с порванной пяткой, сунула ноги в старые расхлябанные ботинки

и затянула шнурками, чтоб не свалились. Она нахлобучила на его голову свою шапку, оторвав меховой помпон. Схватила ветхое пальтишко и облезлую шапчонку.

– Я пошла. Мы с тобой обязательно увидимся! Только выживи!

Она, плача, возвращалась к дому. Бедный Коля! Как он ходил в этом ветхом, продуваемом всеми ветрами тряпье? А ей, бессовестной, ни разу не пришло в голову поделиться с ним одеждой! Она часто мёрзла в своих тёплых вещах, а он, такой тощий, наверное, застывал совсем!

Дома без Коли холодно и тоскливо. Дождалась указанного времени и, спустившись по скользкой лестнице вниз, бросилась в сарай, держа красную пластину под мышкой.

Хотя уже было темно и жутко, но она стояла и ждала. Ждала долго, но никто не появился, и ничего не случилось. Окончательно оконечев, она понуро побрела в тёмную, холодную квартиру. Разожгла печурку, доела вчерашний суп и закопалась в одиночестве под одеяло. Снился ей дом, папа, мама и вкусный борщ со свежим бородинским хлебом.

Проснувшись, долго лежала, раздумывая, что же ей делать. Вода пока есть, еда тоже. Карточек и денег нет, значит, идти в магазин незачем.

Еды дня на два или, если растягивать, то на неделю хватит.

Как хорошо было жить с Колей! Но здорово, что его взяли. Теперь, когда её одежда окончательно изорвётся и она сама отощает, её тоже возьмут в детдом.

Почему папа не появился? Машина сломалась? Он её обязательно починит! И за ней придёт. Или часы показывают неправильное время?

Конечно, часы врут! Они старые и давно сбились. Тогда нужно будет сидеть в сарае целый день. Но можно замёрзнуть совсем.

Как же она не догадалась сразу? Нужно просто написать ему на красной панели, что она находится в квартире номер 30.

Она мигом выползла из-под одеяла. Но чем написать? Ничего нет: ни мела, ни красок, ни муки, чтоб на красном было видно.

Угольком! Точно, углём она напишет папе.

Быстро написала и, сбежав по лестнице, положила красную пластину на прежнее место в сарае.

Теперь нужно только ждать. Натопила печку, испекла лепёшку из дуранды, поела. За окном начало темнеть. Сердце билось в ожидании чуда.

Семь часов, семь тридцать, восемь. Наверное, и ждать бесполезно. Она пригрелась под одеялом и начала засыпать. И сразу увидела маму, свою комнату... Вдруг вошёл папа и громко спросил:

– Ника! Ты где?

Она кинулась к нему, а его уже нет.

От огорчения проснулась.

Ей приснилось, что хлопнула дверь? Или это было наяву! Она вскочила и упала, запутавшись в одеяле! Хорошо, что спала одетая. Открыла дверь и громко закричала:

– Папа, я тут!

И сразу услышала шаги быстро поднимающегося человека. А вдруг это не папа, а кто-то чужой? Может, быстренько постучать соседке?

Но тут услышала радостный вскрик отца:

– Доченька, ты? Где ж ты была?

И вот он подхватил её на руки и быстро понёс вниз, почти вбежал в сарайку, схватил красную пластину, и они оказались в белой кабине, так похожей на лифт.

Стена её бесшумно раздвинулась, и Ника увидела расстроенное лицо мамы. Но когда мама увидела измождённое, серое лицо дочери, спутавшиеся волосы, выбивающиеся из-под облезлой шапчонки, похудевшие ноги, торчащие из коротких Колиных брюк, она зарыдала.

Папа вынес дочку из здания лаборатории, а ребята, её гости, которые были ещё здесь, играли во дворе. Увидев Нику, притихли и уставились на измождённую девочку

в отрепьях, полчаса назад бывшую рядом с ними толстой и упакованной в стильные вещи.

Папа просто сказал им, что она неслух и залезла без спроса, куда не следует. Сейчас Лиза их напоит чаем. Водитель развезёт по домам. Только попросил дома не говорить о происшествии.

Потом Ника с мамой плакали, а папа их утешал. Пили чай, было тепло и светло в их комнате.

А девочка всё время думала о худеньком мальчике Коле. Как же он живёт в детдоме? Вывезли его из Ленинграда? Жив ли он сейчас? Откусывая вкусный кусочек, хотела поделиться с ним, хотя папа объяснял ей, что он уже давно взрослый.

– Если выжил, – подумала она.

Через неделю Нику отпустили в школу. Она вошла в класс худенькая, спокойная и как будто взрослая. Села за парту рядом с Митей Соловьёвым и начала тихо рассказывать, как попала сдуру в капсулу перемещения во времени, а затем в блокадный Ленинград. Вокруг собрался весь класс, и все внимательно слушали о её жизни там, в осаждённом голодном городе, где бомбят улицы и умирают люди. Как голодала, ходила за водой, билась в очередях за продуктами. Как трудно выживали люди в блокаде, умирали один за другим. Как одни оставались дети, которым матери отдавали последнюю еду, а сами умирали. Как страшно находиться в постоянном холоде и голоде, когда ты никому не нужен.

А самое главное, что нужно ценить ту жизнь, в которой они сейчас живут! Когда в зданиях домов и школ тепло, много еды, дома о них заботятся родители. А им нужно только хорошо учиться. Всего-то – хорошо учиться!

Давно прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Тоже тихо слушала этот рассказ так же, как и ребята, замершие вокруг повзрослевшей девочки.

Ребята ей поверили, а преподаватель после урока, рассказывая в учительской эту

историю, решила, что больная девочка сочинила очень интересную и поучительную сказку для своих одноклассников. Достоверную и трогательную.

Поверил даже Денис.

– Если ты и врёшь, то так талантливо, что верить хочется!

Нику с этих пор звали в классе Блокадницей, и она приняла это прозвище с радостью. Дружила теперь с Митей и сидела с ним за одной партой. Он оказался весёлым и умным мальчишкой.

О Коле она думала постоянно:

– Папа, а мы можем отправить в Колин детский дом крупу и сахар? Я могу показать, где он находится.

Папа ничего ей не ответил. Но через несколько дней попросил показать на старой карте Ленинграда, где находится здание детдома, куда она отвела Колю. И они вместе с молоденьким ассистентом Виталием Дмитриевичем долго что-то обсуждали.

Скоро Виталик, как все его звали, прибежал к ним, и они долго шушукались с папой. И вдруг она услышала имя «Ангелина Ивановна». Когда ассистент уходил, Ника догнала его и спросила:

– Мой Коля жив?

Он подмигнул ей:

– Жив твой Коля! Скоро на Большую землю отправят! А пока мы их подкормим!

Ника обняла его:

– Спасибо, Виталик! Ой, Виталий Дмитриевич! Простите, пожалуйста!

Он только улыбнулся ей.

Как-то Виталик пришёл к папе такой счастливый и радостный, что Ника удивилась. Он раньше всегда был такой серьёзный и малоразговорчивый, что папа называл его книжным червём.

И вдруг из кабинета раздался громкий голос всегда спокойного папы:

– Ты с ума сошёл! Там война! Ты зароешь свой талант учёного! Потеряешь свою жизнь! За что? Я тоже сочувствую этим несчастным людям. Но мы – не политики,

которые развязали эту войну! Мы учёные! И неужели ты думаешь, что эта война – последняя? Войны выгодны всегда верхам любой страны, а значит, они её будут затевать! Руководители и их дети не будут гибнуть и голодать, а только получать доход! И куда ты хочешь влезть? Зачем?

Ника тихонько подкралась к двери.

Виталик тихо ответил:

– Возьмите моё заявление об увольнении.

Только прошу разрешить воспользоваться капсулой.

Дверь резко открылась, Ника чуть успела отскочить. Вышел папа, а за ним ассистент.

Девочка догнала Виталика и сунула ему резиновый эспандер – бублик, которым папа заставлял её тренировать руки. Тихо шепнула:

– Передайте Коле. Я помню о нём!

И он весело ей подмигнул.

Зима закончилась. Вовсю буйствовала весна. Подошёл май.

День Победы Ника ждала как самый дорогой и радостный праздник! Она-то понимала, как нужна была людям Победа над фашистами! Что это – самое большое счастье, которое могло случиться с целой страной и с каждым человеком!

Она с недоумением смотрела на некоторых взрослых людей, которые, не понимая значения этой Победы, пытались сделать вид, что ничего особенного в этом празднике нет. Победили и победили. Сколько войн пережило человечество – и ничего.

А она знала цену этой Победы! Но не желала никому точно так же узнать все тяготы войны! Пусть никогда больше войны не будет! Пусть не гибнут солдаты на фронте! Пусть не умирают дети от голода и разрывов снарядов.

В последний учебный день перед праздником учительница Снежана Антоновна объявила после уроков классный час. Ребята, настроившиеся уже убежать на улицу, возмущённо загомонили, что устали и хотят есть. Она сказала, что это только на полчаса,

и усадила всех за парты. Потом пригласила седого старика.

– Ребята, знакомьтесь. Это бывший блокадник Матвеев Николай Борисович, он расскажет вам о жизни в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны. Пожалуйста, внимательно слушайте и задавайте интересующие вопросы.

Она удивлённо осмотрела притихший класс. Причём все ребята смотрели на Нику. А девочка внимательно уставилась на человека, который пережил тот же ужас, что и она. И выжил!

Мужчина говорил спокойно и обыденно о трудностях блокадной жизни, о голоде, холоде, как умерли его родные один за другим, сначала сестра, потом бабушка и мать.

Он уже знал, что ребята, прослушав его рассказ, потом сорвутся и убегут. Ведь их это не коснулось, поэтому они не могут понять его боль. Но каждый год его просят выступить перед юным поколением, которое, к счастью, этих трудностей не испытывало. И он выступает вновь и вновь, вспоминая с болью то страшное время и говоря обыденными словами о страшных вещах.

А ребята обычно вертятся, перешёптываются, бросают бумажки и ждут минуты, когда можно будет убежать. Он сам был такой когда-то и поэтому не обижался. А чтобы не нервничать, незаметно сжимал и разжимал руку, сжатую в кулак.

Но сегодня его слушали особенно внимательно. Класс замер, и все смотрели прямо на него. Особенно девочка с третьей парты.

Он продолжал:

– Потом я попал в детский дом, и нас эвакуировали по Дороге жизни через замёрзшее Ладожское озеро. А затем на поезде в Ярославскую область. А когда я окончил школу, то вернулся в Ленинград.

Седой человек умолк. Он знал, что сейчас его вежливо поблагодарит преподаватель или кто-то из активных ребят через нарастающий гомон нетерпеливых подростков.

И можно опять на какое-то время заглушить те страшные воспоминания.

Но в тишине раздался глухой голосок хуленькой девочки с третьей парты:

– Расскажите, как вас эвакуировали из блокады. Только подробнее.

– Нас отправили в марте сорок второго года. В Ленинграде мы утром пришли на железнодорожный вокзал, и только днём стараниями директора подали вагоны по узкоколейке. В каждый набилось такое количество людей, что дышать нечем было.

Мы терпели – все хотели жить. Отправили поздно вечером: поезд тронулся, и нас довезли до станции. Там ждали у костров, когда придут машины. Потом поехали по Ладогe, под непрерывным обстрелом.

Я помню, как было страшно. Сидели, тесно сжавшись, как будто можно спрятаться от снарядов, если мы вместе.

Малышам советовали закрыть глаза и прижаться к нам: если не видеть, что происходит, может, и утонуть можно будет сразу.

Машины ползли еле-еле, так как надо льдом выступила вода. И её становилось всё больше. Мне казалось, что это никогда не кончится! Но мы выехали на берег! А машины всё шли и шли.

И люди шли пешком по льду с детьми, с саночками. Кто не смог дойти – умер. А многие дошли. Жить-то хочется.

Он опустил голову, помолчал и сказал, потемнев лицом:

– А за нами на льду жутко закричали! Случилось страшное! Лёд не выдержал, и несколько машин ушли под воду! Мы все кричали, плакали, а помочь ничем не могли! Много машин, полных людьми! И все они захлебнулись и остались на дне Ладоги.

Он вздрогнул и опустил плечи, как будто кто сверху давил на него:

– Простите, ребята! Наговорил вам.

Потом опять ровным голосом продолжил:

– Главное, на ночь прилечь негде – народу много. Директор привела нас к церкви, а

там только обломки. Холодно, есть хочется. Дали нам понемногу хлеба. А студёная ночь впереди. Мы сбились в кучу и мечтали, как будем есть после войны.

Он грустно улыбнулся:

– Мой друг сказал, что накрошит пряников, колбасы, печенья, котлет, польёт постным маслом и будет есть с удовольствием и много. Кто-то о блинах мечтал, жирных и со сметаной. Кто – сала нажарить и хлебом макать. О пирогах с разными начинками мыслили. С мясом, с зелёным луком, с яйцами! И каждый – со своей!

Так и досидели до утра. А потом посадили нас опять в холодный кузов и повезли на станцию. А оттуда – по назначению, в Ярославскую область. Там тоже голодно было, но хлеб и приварок давали. Так мы и выросли.

Он вздохнул:

– Спасибо, ребята, за внимание!

Но Денис вдруг громко спросил:

– А в блокаде к вам ангел не являлся?

Старик удивлённо выпрямился:

– А ты откуда знаешь? Было такое. Явился ко мне светлый ангел и спас меня! Когда все мои перемерли, у меня тоже сил не стало: ни за водой сходить, ни в очереди что-то достать. Слабый стал! И помочь некому. А что греха таить, при смертельной опасности каждый за себя. Своих детей спасти невозможно, а кому чужой нужен?

И тут, прямо на улице, меня подбирает и тащит домой ангел в девичьем образе. Чистенький такой, весь в голубом, с огромной сумкой еды. И сумка чудная! Не то из тонкой кожи, не то из тряпки плотной.

И стала она со мной нянчиться: воду она волочёт, на третий этаж дрова она тянет, в очереди она воюет! А меня от тяжёлой работы оберегает:

– Коля, суп вари.

Вечером сбросила одежду, а там наряд ангельский! Платье белое, блестящее, даже складочка не смялась. Всё горит и переливается! Из сумки волшебной вытаскивает

еду разную: хлеб с сыром и колбасой, печенье, конфеты, пирожные с розочками и листиками! И тоже из сумки, но совсем не смятые.

Себе одно берёт, а мне в два раза больше. А сама красивая, гладкая, сытая. Никой её звали. Хорошо мы жили, дружно. Потом, как есть нечего стало, она сама меня в детский дом привела. Директора, Ангелину Ивановну, упросила, чтобы меня взяли. Коек не было, мне топчанчик сколотили, матрас соломой набили. Я на нём спал.

Перед уходом Ника мне ещё свою одежду диковинную всю отдала и ушла в моих тряпках драных. Тёплую-тёплую одежду! Я долго её носил, пока совсем не вырос. Ни у кого тогда такой не было! И много лет такой одежды никто не видел. Все удивлялись. Только сейчас такая появилась.

А куда девалась моя Ника? Я не знаю. Где я её только не искал! Ведь спасительница моя! На всём свете единственный родной человек.

А может и правда – Ангел был? Может, мне от голода привиделось?

Ведь сколько тогда в блокадном Ленинграде людей было, много умерло, а только мне Ангел явился!

Ребята сидели, замерев, а в глазах Ники повисли слёзы, готовые сорваться с пушистых ресниц. Митька, глядя на неё во все глаза, как на чудо, горячо зашептал:

– Значит, ты не врала? Ника, это была ты? Ты – тот светлый ангел!

Николай Борисович помолчал:

– А потом появился Виталий Дмитриевич. Вот человек был – весь детдом кормил: мешками откуда-то доставал крупу разную и сахар. И всё прятал в нашем сарайчике. В том, где мать моя мёртвая целую зиму до весенних похорон лежала. А мы уж из сарайчика на саночках это богатство в детдом везли.

Мне он сказал:

– Вот тебе подарок от твоей Ники. Руки будешь тренировать.

И дал мне этот эспандер. Я с ним до сих пор не расстаюсь.

Ника смахнула слезинки и, как раньше в их квартире, ласково спросила:

– Коля! А ты меня не узнаёшь? Как супом кормил из кошкиной шкурки с хряпой, ты помнишь! А что я сижу перед тобой, не видишь?

Седой мужчина удивлённо посмотрел на неё, нерешительно встал, подошёл к парте, внимательно всматриваясь в лицо девочки, не узнавая и не веря своим глазам.

Девочка подняла левую руку и повернула ладонью к нему: там бугрился тёмно-бордовый шрам.